В полемике с веком

Марина Цветаева

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

В ПОЛЕМИКЕ С ВЕКОМ

1-980606

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ КНИГ
ТГУ

ББК 84Р1-5 + 84Р7-5
Ц27

Печатается по изданиям: Цветаева М. Избранные произведения. — М.; Л.: Сов. писатель, 1965; Цветаева М. Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. 1; Цветаева М. Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 1; Цветаева М. Стихи. — Изд-во "Зинатне", 1990.

Ахматова А. Избранное. — М.: Худож. лит., 1974; Маршак С. Избранная лирика. — М.: Худож. лит., 1964; Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. — М.; Л.: Сов. писатель, 1965; Тарковский А. Вестник. — М.: Сов. писатель, 1969.

Цветаева М.

Ц27 В полемике с веком / Сост. и автор вступит. статьи Ю.В. Шатин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.—269 с.
ISBN 5—02—029795—X.

В сборник вошло более 200 лирических стихотворений, отвечающих основной задаче — показать творчество поэта в контексте русской поэзии XX века со всеми его сложностями и противоречиями. В книгу включены стихотворения, посвященные М.И. Цветаевой.

Издание рассчитано на широкий круг читателей поэзии.

470201202—131
Ц ---------- Без объявления ББК 84Р1-5 + 84Р7-5
042(02)—91

ISBN 5—02—029795—X

© Составление, вступ. статья, оформление.
Издательство "Наука", 1991

Милой Фаине Зиновьевне, великолепному человеку и филологу, с глубокой любовью Ю.Ш.

18.292

В ПОЛЕМИКЕ С ВЕКОМ

1

В стихотворном романе Бориса Пастернака "Спекторский" лирический герой, просматривая малодоступные публике журналы, обнаруживает стихи "снискавшей нам всемирное вниманье" поэтессы Марии Ильиной. Пытаясь выразить охватившее его чувство восторга, поэт находит предельно субъективные и в то же время абсолютно правдивые слова:

Скорей всего то был большой убор
Тем более дремучей, чем скупее
Показанной читателю в упор
Таинственной какой-то эпопеи,

Где, верно, всё, что было слез и снов,
И до крови кроил наш век закройщик,
Простерлось красотой без катастроф
И стало правдой сроков без отсрочки.

Под именем Марии Ильиной в пастернаковском романе угадывалась жившая в эмиграции Марина Цветаева. Ее стихам черед настал много лет спустя, лишь после ее трагической гибели в последний августовский день 1941 года. Шло время, популярность Цветаевой на родине росла. Ныне, в канун столетнего юбилея поэта, Цветаеву по праву считают выдающимся мастером стиха, раздвинувшим художественные горизонты нашего века, угадавшим за внешними противоречивыми контурами его истинную сущность, которая все полнее открывается нам сегодня.

Биография и творчество сложно взаимодействуют друг с другом. Жизнь Марины Цветаевой, отчасти бессознательно — как судьба, данная свыше, отчасти осознанно — как судьба творящего себя Поэта, развивалась как бы по законам литературного произведения, где причудливое переплетение мотивов опровергает плоский сюжет были. Говоря словами Пастернака, поэт Цветаева вырывается из этой были, "курясь, из прорв // Судеб,

расплющенных в лепеху...". В своих стихотворениях он словно проигрывает сценарий собственной судьбы: в непрестанной полемике с веком мы отчетливо ощущаем исключительную личность, не приставшую ни к одному из берегов разорванной в пространстве культуры и в конце концов уничтоженную жестоким временем. Хронологическая канва ее жизни тесно сплетается со значимыми вехами в судьбе России.

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве 26 сентября 1892 года в семье известного искусствоведа Ивана Владимировича Цветаева, основателя музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени Пушкина). Мать Цветаевой — одаренная музыкантша, ученица Рубинштейна — рано скончалась. Посвятив себя семье, она не реализовала свой талант, но оказала на детей сильное влияние.

Поэтическое становление Цветаевой приходится на начало 1910-х годов. Цветаева объективно не могла примкнуть к символизму, поскольку именно в это время в нем обозначились черты кризиса. Основательное знание истории (ее дед, Иловайский, был довольно крупным официозным историком) и мировой культуры предопределило почти равнодушное отношение к нарождавшемуся футуризму, а академическая чопорность петербургского акмеизма вызвала его неприятие. Главные художественные направления прошли мимо Цветаевой, отсюда ее поэтическое одиночество в ранней юности, так и не преодоленное до последних дней. Цветаеву ценили разные поэтические школы, одни — больше, другие — меньше, подлинной близости она не обрела ни с одной из них.

Приход Цветаевой в литературу не похож на дебюты других поэтов. Если первые сборники Ахматовой и Мандельштама сразу принесли им широкую известность, то у Цветаевой все оказалось сложнее. В 1910 году она выпускает первый сборник — "Вечерний альбом", в котором еще трудно увидеть будущего гениального поэта, скорее это школа освоения стиха. Подобно опытам ранних символистов, она очищает традиционный некрасовский стих от позднейших наслоений некрасовской школы:

Думы смущает заветные
Ваш неуслышанный стон.
Сколько то листья газетные
Кроют безвестных имен.

("*Жертвам школьных сумерок*")

Дактиль, прочно соотносимый со стихом Некрасова, озволяет молодому поэту угадать особый распев, кото-ый станет неизменным спутником поэзии зрелого мас-ера, распространится на иные стихотворные размеры, в ом числе и на знаменитый цветаевский дольник.

Другая традиция "Вечернего альбома" восходит к по-тике Иннокентия Анненского, оказавшей воздействие а различных поэтов — от символистов до имажинистов ключительно. Так, в стихотворении "Шарманка есной" не только воссоздается один из любимых обра-ов Анненского, но и воспроизводятся черты его импрес-ионистического стиля, схватывающего разнородные редметы и пронизывающего их единством настроения, единством поэтического тона:

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

В первом цветаевском сборнике много литературно-ти — милые рыцари, пажи, принцесса с глазами зеле-ными. Иногда кажется, что этот поэтический антураж вот-вот заглушит самостоятельный голос юного дарова-ния. Но сквозь "литературную арматуру" в лучших сти-хотворениях прорывается нечто новое, неизвестное поэ-зии того времени:

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше.
— "Пусть сольются без слов наши души!"
Ты взволнованно шепчешь — не мне.

("*Так будет*")

Появление в первом, почти детском, сборнике четко выраженной афористичности сулило в будущем напря-женный психологизм лирического сюжета. В данном случае Цветаева отчасти предваряет более поздние, но идущие в том же направлении поэтические опыты Анны Ахматовой. Недаром в рецензии на сборник Н. Гумилев заметил, что "здесь инстинктивно угаданы все главней-шие законы поэзии"[1].

Справедливости ради следует заметить: ни "Вечерний альбом", ни вышедший двумя годами позже "Волшеб-ный фонарь" не стали крупными поэтическими события-ми. Изящная стихотворная техника, богатый культур-

---

[1] *Гумилев Н.С.* Письма русской поэзии. — Пг., 1923. — С. 114.

ный словарь, французские эпиграфы — скорее общ
признаки утонченной поэтичности, знаменующие сере
ряный век русской поэзии, нежели проблески индивид
ального дарования. Чтобы на столь интенсивном фо
занять заметное место, мало было инстинктивно угада
главнейшие законы поэзии. Поэту нужно было выйти
пределы самого себя, раздвинуть границы художестве
ного языка, предложить мотивы, которые отсутствова
в прежней лирике. Поэтику катарсиса требовалось зам
нить поэтикой экстазиса. Решение этих задач отделя
раннее творчество Цветаевой от периода зрелости.

2

В 1910 году Цветаева познакомилась, а затем подр
жилась с Максимилианом Волошиным. Результат эт
дружбы — несколько поездок в Крым, в Коктебель.
летние месяцы Коктебель собирал многих известных п
этов, а его слава как своеобразного литературного Ба
бизона росла год от года. Здесь, в Коктебеле, весн
1913 года в творчестве Цветаевой происходит перело
знаменующий переход к зрелости. Начиная с этого вр
мени Цветаеву-поэта невозможно спутать ни с кем.
стихи перенасыщены динамикой. Не описательность с
туации, но автоматическое включение в нее читател
победоносная дуэль с ним и охват творческим состоян
ем поэта всех и вся — верные признаки цветаевско
стиля этого периода. "Идешь, на меня похожий...
"Вы, идущие мимо меня...", "Мальчиком, бегущим р
зво...", "Я подымаюсь по белой дороге..." — вот непо
ный перечень заглавных стихов.

Каждое произведение Цветаевой этого периода пр
низано жаждой утверждения жизни и жаждой утвержд
ния себя как поэта. Год спустя, посылая коктебельски
стихи одному из адресатов, Цветаева заметила: "Я с
всем не верю в существование Бога и загробной жизн
Отсюда — безнадежность, ужас старости и смерти. Пол
ная невозможность природы — молиться и покоряться
Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочна
жажда жить"[2].

Жажда жизни в поэзии Цветаевой менее всего напо
минает условный литературный прием, желание проти

---

[2] *Цветаева М.И.* Избранные произведения. — М.; Л.: Сов. пис
тель, 1965. — С. 733.

поставить свой голос все усиливающейся теме смерти, ения, распада, характерной для массовой декадентской эзии начала века. Нет, здесь подлинное поэтическое дущение. Оно рождает энергетический сгусток, сжигащий прошлое и будущее ради торжества данного мгноения. В одно из таких мгновений Цветаева постигает ое равенство с Пушкиным, понимаемое не как равенво таланта или читательского признания, но как раенство интенсивности экстатического переживания, равнивающее две величины при всех остальных различиях.

Пушкин! — Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти...

(*"Встреча с Пушкиным"*)

Радость осознания себя настоящим мастером, поэтом, е сдерживаемая ни показным смирением, ни ложной кромностью, пронизывает циклы стихотворений, посвященные Александру Блоку и Анне Ахматовой. По внешим жанровым признакам эти произведения можно было ы отнести к посланиям с их почти безусловной монолоической исповедью, но по существу они ближе к смелой опытке сквозь внешние покровы бытия установить диаог душ. Образ Блока как бы дематериализуется у Цветаевой, получает знак душевной и духовной святости. "Вседержатель моей души" — таково обращение к нему в одном из стихотворений цикла. Парадоксально, но дематериализованный сакрализованный Блок получает статус сверхреальности, в свете которой не только предсказывается смерть поэта, но более чем за пять лет словно рисуется документальная картина августовских дней 1921 года:

О поглядите — ка́к
Веки ввалились темные!
О поглядите — ка́к
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

Точно так же, как и в "Стихах к Блоку", в цикле "Ахматовой" (раннее название — "Муза") поэт не стремится дать стихотворную биографию другого поэта. Че-

рез весь цикл проходит мысль о нерасторжимости их вместного поэтического пути. Молодая Цветаева не ст мится пополнить бесчисленные ряды "ахматовок", точно указывает место обеих в художественном созн нии потомков:

Не отстать тебе. Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Поэзия Марины Цветаевой предреволюционных л полна сбывшихся и несбывшихся предсказаний судеб п этов и поэзии. Но ни одно из этих предсказаний впр мую не соотносится с надвигающимися социальными к таклизмами. Создается впечатление, что Дон-Жуан, К валер де Гриэ, Казанова или Лозэн гораздо больше з нимают Цветаеву. По тонкому замечанию Анн Саакянц, "ей не нравился ее век (как не нравился б любой иной, если бы она в нем родилась). Она была п этом, опережающим свое время, но тянулась к уходящ эпохе"[3].

Действительно, конфликт художественного языка мифопоэтического сознания достигает в поэзии Цвета вой невиданной силы, сравнимой разве что с лучшим лирическими образцами Маяковского. Но мифолог Маяковского целиком ориентирована на будущее — е героям дарованы то воскрешение с помощью науки конце 1970-х, то полет на машине времени в 2030-е г ды. Лирические персонажи Цветаевой врываются прошлых лет и начинают говорить языком XX век Этот язык довольно быстро смывает налет литературно грима, высвечивая, как лучом, "рентгеновский снимо души" не только персонажа, но и поэта.

Отношение Цветаевой с веком строится по закона дискуссии, а не притяжения или отторжения. Можн сказать, что Марина Цветаева приветствовала событи Февраля и Октября семнадцатого года, и это будет пра да. Можно сказать, что она прокляла в "Моих службах главную действующую силу революции — большевиков и это тоже будет правда. Можно сказать, что политиче ские перипетии этого времени оставили Цветаеву равно душной, и здесь немалая доля правды. Вот такая слож ная картина.

---

[3] *Саакянц А.* Марина Цветаева // Цветаева М.И. Сочинения: 2 т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 1. — С. 29.

Как чуткий художник, Марина Цветаева не могла не чувствовать исчерпанности культурного и интеллектуального потенциала предреволюционной России. Ощущение неизбежности перемен переполняет ее лирику того периода. Однако наступившие перемены больно ударили по Цветаевой прежде всего в плане личном: разлука с мужем, смерть младшей дочери Ирины от голода, бытовая неустроенность. Вместе с тем восприятие революции не ограничивалось проекцией на биографию. Чутким слухом поэта она гораздо раньше, чем Блок или Мандельштам, не говоря уже о более молодом Маяковском, уловила в музыке революции будущие черты рабского единомыслия. Революция сколько угодно могла бунтовать против прошлого; бунт против будущего был отменен явочным порядком. В новом названии России — РСФСР — Цветаевой услышалось нечто страшное и жестокое, и в конце концов она заявила, что не может жить в стране, состоящей из одних согласных.

Впрочем, для отъезда за границу были и семейные причины. В 1921 году через И.Г. Эренбурга она восстанавливает связь с мужем-эмигрантом, а затем усиленно хлопочет о выезде. В мае 1922 года Цветаева покинула РСФСР со сложным и противоречивым чувством, природу которого она, вероятно, так до конца и не осознала.

3

Считается, что даты в жизни поэта играют гораздо большую роль, чем у простых смертных. Биографическое время Цветаевой и историческое время страны подчеркнуто асинхронны. Как увлекающиеся шахматисты, Цветаева и XX век играли различные партии. В 1912 году она вышла замуж за Сергея Эфрона, родила двух дочерей, но первая мировая война нанесла удар по семейной идиллии. Сын Цветаевой Георгий родился в 1925 году. Его поколение было принесено в жертву Молоху второй мировой войны. То же самое — в творчестве. В 1922 году Цветаева уехала за границу малоизвестным поэтом. Вышедшая вскоре книга стихотворений "Вёрсты" имела колоссальный успех, имя поэта России становилось легендой. Совпади эти две системы времени — и сценарий жизни, возможно, был бы другим. Но, как в астрономии, смысл произошедших на далекой звезде событий делался понятным лишь для иных поколений, когда свет достигал Земли.

Первые два года жизни в эмиграции, вначале в лине, а затем в Праге, оказались на редкость плодо ными. Многие лучшие стихотворения, ставшие се хрестоматийными, созданы как раз в 1922—1923 г Казалось вполне логичным, что именно Марине Цве вой суждено стать одной из ярких фигур в литера русского зарубежья, включавшей такие имена, как Бунин и Дмитрий Мережковский, Владислав Ходас и Владимир Набоков. Этого, однако, не произошло.

Взаимное отторжение Цветаевой и представите эмигрантской литературы, конечно, в немалой степ стимулировалось личностными свойствами Цветае (об этом сохранилось довольно большое число мему ных свидетельств), но не сводилось к ним. Существо ли объективные законы, по которым Цветаева и русс зарубежье не могли сомкнуться в органическое це Оказавшись в изоляции, культурный слой эмиграции расходовал почти весь свой потенциал на сохране уже существовавших этических и эстетических цен стей, а не на их развитие. Высокий консерватизм с одним из ведущих качеств большинства мастеров р ского слова за рубежом. Разумеется, этот консерват не исключал стилевых новаций, появления новых тал тов, но художественная реакция на изменившуюся д ствительность (за вычетом публицистики) приближал к нулю. Основы художественного языка также оста лись у большинства неизменными. Писали по-прежне хорошо и культурно, как если бы не было ни миров войны, ни революции, ни трагического разрыва веко Интенсивность переживания исторического момента русском зарубежье оказалась принципиально иной, ч в России. "Век мой, зверь мой, кто сумеет // Загляну в твои зрачки // И своею кровью склеит // Двух сто тий позвонки" — эти мандельштамовские слова вряд могли родиться на берегах Сены или за океаном.

Творчество Цветаевой периода эмиграции — смел попытка встать над классом, над временем, над обеи противоположностями некогда единой языковой культ ры. Даже там, где поэт движется в русле традиций, выбирает сугубо индивидуальные, неповторимые вариа ты, не столько продолжающие уже имевшееся, сколь преодолевающие его.

В 1922—1923 годах Цветаева обращается к мотив железной дороги как символу смерти. Эта традиция во ходит к поэзии Некрасова и прозе Льва Толстого, полу чает драматическое завершение у Блока. Но у предшест

зенников Цветаевой речь идет о некоем третьем лице, принесенном в жертву техническому прогрессу. В данном случае неважно, кто является жертвой — строители первой железной дороги в стихотворении Некрасова или пассажирка вагона первого класса Анна Аркадьевна Каренина.

На железной дороге Цветаевой — лирическое Я поэта. Изменение лица приводит к перерастанию передаваемой ситуации в подлинное свидетельское показание о трагедии. 28 октября 1922 г. Цветаева пишет:

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мóроке — две дали...
(Поклонись Москве!)
(*"В сиром воздухе загробном..."*)

а 10 июля 1923 г. еще трагичнее:

Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
... Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

(*"Рельсы"*)

И наконец, финал в стихотворении "Поезд", датированном 6 октября 1923 г.:

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

Поэт не просто прописывает сценарий последнего путешествия по железной дороге, но и с готовностью проецирует его на свою жизнь. Стихотворения Марины Цветаевой — меньше всего слова, каждое их них — поступок, оплаченный не только образом существования, но и самоотдачей поэта, растворением его в произведении. Отсюда исключительное значение жеста, подразумеваемого за каждым тире и восклицательным знаком.

Параллельно с ростом публикаций Цветаева все больше теряла читателя-эмигранта, в Россию же ее голос практически не доходил. В очерке "Поэт и время" Цветаева как нельзя лучше выразила свое положение за границей. "В здешнем порядке вещей *Я* не порядок вещей. Там бы меня не печатали — и читали, здесь меня печатают — и не читают"[4].

---

[4] *Цветаева М.И.* Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 2. — С. 363.

Болезненное переживание герметичности эми
ской литературы подталкивает Цветаеву к поиску
тактов как с советской литературой, так и с соврем
поэзией Европы. Цветаева активно переписывается
рисом Пастернаком и Райнером Марией Рильке. П
текст этого тройственного эпистолярного романа, с
но последней воле Ариадны Сергеевны Эфрон,
быть прочитан лишь в начале следующего века.
опубликованные фрагменты дают представление о
тенсивности переживаний и чрезвычайной значи
писем для поэтессы.

Как и в стихотворных циклах о Блоке и Ахмат
Цветаева в письмах творит портреты Рильке и Па
нака, освобождая их от всего случайного, наносного,
тового. Она неустанно подчеркивает субстанционал
характер существования поэта. Так, в письме от 9
1926 года находим: "Речь идет не о человеке — Ри
(человек — то, на что мы осуждены!), — а о дух
Рильке, который еще больше поэта и который, собст
но, и называется для меня Рильке — Рильке из по
завтра"[5].

В этой переписке Цветаева открывает особое вр
поэта, отмеченное симультанностью бытия, охватыв
щее сразу все эпохи и противостоящее границам ф
ческой жизни человека. Шесть лет спустя Цвета
вновь обратится к открытому ею художественному п
ему, говоря о Марселе Прусте. «Когда на каком-ниб
французском литературном собрании слышу все им
кроме Пруста, и на свое невинное удивление:
Proust?" — "Mais Proust est mort, nous parlons
vivants," — Я каждый раз точно с неба падаю: по ка
му же принципу устанавливают живость и умерше
писателя? Неужели Х. жив, современен и действе
потому, что он может прийти на это собрание, а М
сель Пруст потому, что уже никуда ногами не прид
— мертв? Так судить можно только о скороходах»[6].

Письма Цветаевой к Пастернаку имеют несколь
иную окраску в отличие от писем к Рильке — в н
меньше пиетета, больше равенства. Если Рильке за
мает в сердце Цветаевой освободившееся место Бло
то отношение к Пастернаку сродни отношению к поэт

---

[5] *Рильке Р.М., Пастернак Б.Л., Цветаева М.И.* Письма 1926
да. — М.: Книга, 1990. — С. 85.

[6] *Цветаева М.И.* Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1980.
Т. 2. — С. 400.

хматовском цикле. "Разные двигатели при равном ровне — вот твоя множественность и моя. Ты не понимаешь Адама, который любил одну Еву. Я не понимаю ву, которую любят все. Я не понимаю плоти как такой, не признаю за ней никаких прав — особенно голоа, которого никогда не слышала"[7].

Отношение поэтического родства с Пастернаком и щущение болезненной разорванности пространства организуют стихотворение Цветаевой, посвященное поэту.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав.

Все стихотворение пронизано редким для поэзии единством звукообраза. Обилие звуковых повторов — ассонансов и аллитераций — здесь далеко от формальной изысканности Бальмонта. Звук обретает общность со смыслом данного поэтического контекста: "Не рассóрили — рассорúли, // Расслоили... Стена да ров. // Расселили нас, как орлов- // Заговорщиков..." Цветаева как будто отменяет право языка на случайность орфоэпического совпадения слов, делая это совпадение сугубо обязательным. В результате такого действия Цветаева проникает внутрь поэтики Пастернака, подчеркивая единство и взаимопротивоположность двух художественных систем.

Переписка с Рильке оборвалась так же внезапно, как и началась: в конце 1926 года выдающегося поэта не стало. Эпистолярный роман с Пастернаком продолжался несколько лет, а в июне 1935 года они встретились на международном конгрессе писателей в Париже. Отношения верной дружбы связывали поэтов до конца жизни Цветаевой.

4

С начала 1930-х годов количество лирических стихотворений в творчестве Цветаевой резко идет на убыль. В эти годы она работает в крупном жанре — поэмы, пишет художественную прозу. Качество созданного остается при этом стабильно высоким.

Осмысление судьбы русской поэзии и своего места в ней закономерно приводит Цветаеву к пушкинской теме.

---

[7] *Рильке Р.М., Пастернак Б.Л., Цветаева М.И.* Письма 1926 года. — С. 171.

Кроме серии очерков о Пушкине, составивших буд книгу "Мой Пушкин", поэтесса создает в 1931 цикл "Стихи к Пушкину". В преддверии столе юбилея имя Пушкина оказывается весьма актуал как для советской литературы, так и для литера эмиграции. Но как часто, к сожалению, случает юбилейном глянце статей интерес к поэту и его по подменяется животрепещущими для потомков тенде ями. Если советская критика назойливо подчерки реализм и общедоступность наследия писателя, эми ция выдвигает своего Пушкина — государственни русофила.

В такой ситуации Пушкин, созданный Цветае противостоял обоим лагерям. Сквозь весь цикл прох идея всечеловечности пушкинского творчества, его крытости мировой культуре:

Недурён российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым.
— Пушкин — в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал.

В творениях Пушкина Цветаева справедливо подч кивает продолжение дела Петра Первого — выход Р сии на мировую арену, отказ от духовной автарк затхлости застойного существования. Цветаева вслед Пастернаком по-своему продолжает пушкинскую те Если для Пастернака Пушкин прежде всего источн индивидуальной свободы, слияние "стихии свобод стихии с свободной стихией стиха", то для Цветае важна мускулатура пушкинских крыльев:

Преодоленье
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул...

Эта мускулатура в полной мере наследуется поэт кой Марины Цветаевой. Как заметил поэт Всевол Рождественский, "сила ее стихов — не в зрительных о разах, а в завораживающем потоке все время меня

щихся, гибких, вовлекающих в себя ритмов“[8]. В отличие от крупнейших своих современников Цветаева радикально изменяет отношение к слову, предметному миру в стихе.

Вещь в поэзии Марины Цветаевой существует не как данность, но как ритмическая протяженность. Поэтический словарь ее дает слишком мало, почти ничего для уяснения уникального дарования стихотворца. Ее стихи — воистину замечательный “опыт соединения слов посредством ритма“ (воспользуемся заглавием сборника стихотворений талантливого поэта Константина Вагинова).

Крупный стиховед нашего времени академик А.Н. Колмогоров пришел к выводу, что «для Цветаевой типично увлечение построением своеобразных *строгих силлабо-тонических метров*. Мы имеем дело с поэтом, который воспринимал свою работу (цикл “Стол“ посвящен именно работе поэта) как работу, приводящую к сознанию ритма-образа, отливающегося в кристаллическую форму метра»[9].

Традиционный поэт работает с готовым набором пяти основных метров, внутри которых выстраиваются ритмические вариации. Для Цветаевой ритм первороден. Рождаясь в стихии бессознательного творчества, он организует словесный материал так, чтобы лишь к концу стихотворения читатель ощутил твердую решетку никогда до того не существовавшего метра.

Рано или поздно у любого стихотворца возникает необходимость поделиться с читателями тайнами ремесла. Цикл “Стол“ — это поэзия о поэзии. Главная тайна Цветаевой — постоянный бунт за всех, из всех, противу всех. В цикле этот бунт получает логическое завершение. Цветаева жестко и жестоко разоблачает разноликие формы эстетства, низводящие искусство до гедонизма, до развлечения риторикой. Поэт отвергает читателя-гастронома, который, воспользуемся словами одной из последних цветаевских поэм, “ковырнет — отщипнет — и оценит — и оставит, на дальше храня аппетит“. В цикле “Стол“ такой читатель возникает в полный рост и в полную силу отвергается создателем-мастером:

---

[8] *Рождественский Вс.* Марина Цветаева // Цветаева М.И. Сочинения: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. 1. — С. 13.

[9] *Колмогоров А.Н.* Пример изучения метра и его ритмических вариантов // Теория стиха. — Л.: Наука, 1968. — С. 147.

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
С трюфелем, я — с грифелем,
Вы — с оливками, я — с рифмами,
С пикулем, я — с дактилем.

Потому-то столь различными оказываются итоги ненного пути поэта и читателя-гурмана:

Каплуном-то вместо голубя
— Порх! — душа — при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

В начале 1935 года Марина Цветаева пишет неск ко стихотворений, посвященных памяти ее моло друга — поэта и альпиниста Николая Гронского. По эти стихи образовали один из лучших поэтических ц лов Цветаевой — "Надгробие". Верная своему прин пу оценивать сущность творца созданными им творен ми, Цветаева пишет прежде всего о поэте и в посл нюю очередь о друге. Она точно подхватывает неувер ную интонацию его поэмы "Белладонна", чтобы пе плавить ее мощное, могучее звучание. В поэме Гронс го есть строки:

Сапожный гвоздь по камню свистнул...
Повис, схватившись за карниз,
Ногой в провал, рукой за выступ, —
Врастая в пласт базальта вниз.

И дальше:

Глаза — громадные пустыни —
Прошедшей ночи зеркала.

Цветаева соединяет глаза и гвозди прочной метафор ческой связью, как бы сгущая пространство стиха мол дого поэта до предела, превращая его в деятельное пр странство:

Напрасно глазом — как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
— Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и нет тебя.

Ю.М. Лотман справедливо усматривает здесь тонку игру значений: *глаз — гвоздь* и *око — оборот*. «Значе ния эти поддерживаются глаголами "пронизываю" первом и "обшариваю" во втором случае, продолжаю

щими активизировать антитезу "острая — круглая", перерастающую в пространственное противопоставление действия, сконцентрированного в одном направлении (пространство "луча"), и действия, направленного во все стороны (пространство "круга")»[10].

Игра двумя пространствами образует поле, в котором осуществляется поэтический диалог Цветаевой и ее умершего друга. Но в цикле различается и третий поэтический голос — голос Державина, учеником которого считал себя Гронский. Державинская тема сопрягается с мотивом вечной антитезы жизни и смерти. "Бог — слишком бог, червь — слишком червь". Конечное, по мнению Цветаевой, существование человеческой души настойчиво требует воскрешения словом, и поэт с готовностью исполняет эту миссию:

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист —
Вязанками приносил мне в дом! —
Не дам тебе — порасти быльем!

В стихах Цветаевой 1930-х годов мы обнаруживаем руку опытного мастера и в то же время при всем критическом желании не найдем ни одного признака старения таланта. Даже когда душевные силы, казалось, полностью покидали Цветаеву, их оказывалось достаточно, чтобы питать поэтические мускулы. Голос поэта перекрывал созданные веком искусственные границы времени и пространства.

5

В 1939 году Цветаева вернулась на родину. Вопреки мнению многих биографов поэта возвращение было менее всего идеологическим актом. Как и семнадцать лет назад, Цветаева ехала вслед за мужем, мало что понимая и принимая в его сложных политических расчетах.

Родина неприветливо встретила семью Цветаевой-Эфрон. В ночь на 27 августа, через два месяца после приезда Марины Ивановны в Москву, арестовали дочь Алю, а спустя некоторое время — Сергея Яковлевича. Цветаева с несовершеннолетним сыном остаются без средств к существованию. Последние два года жизни по-

---

[10] *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. — Л.: Просвещение, 1972. — С. 238.

УЧНАЯ БИБЛИОТ ДЛЯ

эта почти целиком приходятся на переводы. Кого то ни переводила Цветаева: Елисавета Багряна и А Мицкевич, Важа Пшавела и Шарль Бодлер.

Характеризуя эту полуподневольную работу Цве вой, М.И. Белкина в интереснейшей книге "Скреще судеб" замечает: "Гнала стихи. Гнала, потому что ст для нее — *работа*, а она работала *другую* работу, цело ее поглощавшую, и даже ночью, во сне нахо нужные ей строки для этой другой работы, как когд для своей"[11].

"Ремесленник, я знаю ремесло", — сказала Цве ва. Ее лучшие переводы последних лет отмечены только ремеслом, но и подлинным вдохновением. Та переводе стихотворения Бодлера "Плаванье" поэт, жется, находит единственно верные русские слова, бы передать чувство, охватывающее героя в момент зерцания эстампа, когда "в лучах рабочей лампы" крывается величие мира:

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль — и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...

Переводчик отказывается буквально следовать фр цузскому подлиннику, активно подчиняет бодлеровс текст принципам своей, цветаевской поэтики: любов слову с отрицательной частицей (ненастный, нече вечьей, не вынеся), игра разными пространственны сферами, где "душа наша — корабль, идущий в Эль радо". В такой творческой замене и рождается истинн шедевр, эстетически адекватный созданию французск поэта-неоромантика.

У Цветаевой почти не остается времени на созда оригинальных лирических стихотворений. Вынужденн отказ от цикла как коренного свойства художественн мышления приводит к тому, что позднейшие произве ния поэтессы отмечены чертами фрагментарности и завершенности. Такие поэтические обращения, "Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!" (1940) "Все повторяю первый стих" (1941), скорее напомина блестящие импровизации, чем результат глубокого об щения и переосмысления реального чувства. В них лирического героя, и потому поэт выступает во во полноте и незащищенности своего человеческого Я.

---

[11] *Белкина М.И.* Скрещение судеб. — М.: Книга, 1988. — С. 97

Особенно это характерно для последнего стихотворения Цветаевой, адресованного Арсению Тарковскому. Стихотворение "Все повторяю первый стих" — смелая и даже вероломная попытка ворваться в жизнь другого — поэта и человека. Оттолкнувшись от задевшей ее строки Тарковского "Я стол накрыл на шестерых..." (в окончательном варианте Тарковского "Стол накрыт на шестерых"), Цветаева и здесь пытается утвердить актуальность собственного бытия для мира: "За непоставленный прибор // Сажусь незваная, седьмая". Цветаева еще делает последние судорожные попытки зацепиться за жизнь, вступить в контакт с ней и продолжить творческую полемику с веком.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

Знаменательно, что в последнем стихотворении Цветаева вновь сопрягает основную лирическую антиномию жизни и смерти, определяя одну через другую. Она — жизнь и одновременно смерть, вернее, жизнь, разбудившая весь дом и мир ценою своей жизни.

Последнее стихотворение поэта было помечено 6 марта 1941 года. Дальше было не до стихов. Начавшаяся война обнажила незащищенность Цветаевой и в бытовом и в душевном плане. Впереди маячила пустота, преодолеть которую не хватило сил. В августе 1941 года Цветаева совершила свое последнее плавание — в Елабугу, где душа ее нашла вечный покой. В провинциальном, отрезанном от культурного мира городке завершился жизненный путь великого поэта XX столетия. Цветаевой было чем отчитаться перед той высшей силой, которая одарила ее нечеловеческой гордыней и замечательным талантом, соединив их с абсолютной бескомпромиссностью и неприятием спокойного существования.

Ю.В. Шатин

СОДЕРЖАНИЕ

В полемике с веком. *Вступительная статья Ю.В. Шатина* 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. "Моим стихам, написанным так рано..." 23
2. "Идешь, на меня похожий..." .....—
3. "Вы, идущие мимо меня..." 24
4. "Я сейчас лежу ничком..." .....—
5. Встреча с Пушкиным 25
6. "Уж сколько их упало в эту бездну..." 27
7. Генералам двенадцатого года 28
8. Бабушке ("Продолговатый и твердый овал...") 29
9. "Осыпались листья над вашей могилой..." 30
10. "Мне нравится, что вы больны не мной..." 31
11. "Какой-нибудь предок мой был — скрипач..." 32
12. "Спят трещотки и псы соседовы..." .....—
13. "С большою нежностью — потому..." 33
14. "Цыганская страсть разлуки!..." .....—
15. "Быть в аду нам, сестры пылкие..." 34
16. "Никто ничего не отнял..." .....—
17. "Ты запрокидываешь голову..." 35
18. "Не сегодня-завтра растает снег..." 36
19. "Четвертый год..." .....—
20. "За девками доглядывать, не скис..." 37
21—36. Стихи к Блоку
    1. "Имя твое — птица в руке..." 38
    2. "Нежный призрак..." .....—
    3. "Ты проходишь на запад солнца..." 39
    4. "Зверю — берлога..." 40
    5. "У меня в Москве — купола горят..." .....—
    6. "Думали — человек!.." 41
    7. "Должно быть — за тóй рощей..." .....—
    8. "И тучи оводов вокруг равнодушных кляч..." 42
    9. "Как слабый луч сквозь черный морок адов..." .....—
    10. "Вот он — гляди, — уставший от чужбин..." 43
    11. "Други его — не тревожьте его!.. .....—
    12. "А над равниной..." .....—
    13. "Не проломанное ребро..." 44
    14. "Без зова, без слова..." .....—
    15. "Как сонный, как пьяный..." 46
    16. "Так, господи! И мой обол..." .....—
37—40. Из цикла "Ахматовой"

1. “О муза плача, прекраснейшая из муз...“ 47
2. “Охватила голову и стою...“ ..... —
3. “Не отстать тебе. Я — острожник...“ 48
4. “Ты солнце в выси мне за́стишь...“ ..... —
41. “Белое солнце и низкие, низкие тучи...“ 49
42. “Вдруг вошла...“ ..... —
43. “Искательница приключений...“ 50
44. “Кабы нас с тобой — да судьба свела...“ 51
45. “Мировое началось во мгле кочевье...“ ..... —
46. “Август — астры...“ ..... —
47—52. Дон-Жуан
1. “На заре морозной...“ 52
2. “Долго на заре туманной...“ 53
3. “После стольких роз, городов и тостов...“ ..... —
4. “Ровно — полночь...“ 54
5. “И была у Дон-Жуана — шпага...“ ..... —
6. “И падает шелковый пояс...“ ..... —
53—76. Лебединый стан
“На кортике своем: Марина...“ 55
“Над церковкой — голубые облака...“ ..... —
“За Отрока — за Голубя — за Сына...“ ..... —
Юнкерам, убитым в Нижнем 56
Корнилов 57
“Кровных коней запрягайте в дровни!..“ ..... —
Дон
1. “Белая гвардия, путь твой высок...“ 57
2. “Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет...“ 58
3. “Волны и молодость — вне закона! ...“ ..... —
“Идет по луговинам лития...“ 59
“Трудно и чудно — верность до гроба!..“ ..... —
“...О, самозванцев жалкие усилия!..“ ..... —
Андрей Шенье
1. “Андрей Шенье взошел на эшафот...“ ..... —
2. “Не узнаю́ в темноте...“ 60
“Это просто, как кровь и пот...“ ..... —
“Белизна — угроза Черноте...“ ..... —
“— Где лебеди? — А лебеди ушли...“ 61
“Колыбель, овеянная красным!..“ ..... —
“Над черною пучиной водною...“ ..... —
“Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...“ 62
“Мракобесие. — Смерч. — Содом...“ ..... —
“Белогвардейцы! Гордиев узел...“ 63
Але ..... —
“С Новым Годом, Лебединый стан!..“ ..... —
77—79. Стенька Разин
1. “Ветры спать ушли — с золотой зарей...“ 64
2. “А над Волгой — ночь...“ ..... —
3. (Сон Разина) 65
80. “Горечь! Горечь! Вечный привкус...“ 66
81. Цыганская свадьба 67
82. “Бо́роды — цвета кофейной гущи...“ 68
83. Любви старинные туманы ..... —
84. “Молодую рощу шумную...“ 69

85. "И вот, навьючив на верблюжий горб..." 70
86. "Кавалер де Гриэ! Напрасно..." ..... —
87–88. Психея
1. "Не самозванка — я пришла домой..." 71
2. "На́ тебе, ласковый мой, лохмотья..." ..... —
89. "В черном небе — слова начертаны..." ..... —
90. "Благословляю ежедневный труд..." 72
91. "Умирая, не скажу: *была*..." ..... —
92. "Я сказала, а другой услышал..." ..... —
93. "Я — страница твоему перу..." ..... —
94. "Память о Вас — легким дымком..." 73
95. "Рыцарь ангелоподобный..." ..... —
96. "Доблесть и девственность! Сей союз..." ..... —
97. "Мой день беспутен и нелеп..." 74
98. "Пожирающий огонь — мой конь..." ..... —
99. "Каждый стих — дитя любви..." ..... —
100. "Стихи растут, как звезды и как розы..." 75
101. Але ..... —
102. "Что́ другим не нужно — несите мне..." 76
103. Глаза ..... —
104–107. Из цикла "Комедьянт"
1. "Я помню ночь на склоне ноября..." 77
2. "Вы столь забывчивы, сколь незабвенны..." 78
3. "Ваш нежный рот — сплошное целованье..." ..... —
4. "Бренные губы и бренные руки..." 79
108. "Развела тебе в стакане..." ..... —
109. "Благодарю, о господь..." ..... —
110. "Я берег покидал туманный Альбиона..." 80
111. "Я счастлива жить образцово и просто..." ..... —
112. "На́ смех и на́ зло..." ..... —
113. "Солнце — одно, а шагает по всем городам..." 81
114–121. Из цикла "Стихи к Сонечке"
1. "В мое окошко дождь стучится..." ..... —
2. "Заря малиновые полосы..." 82
3. "Маленькая сигарера!.." 83
4. "Твои руки черны от загару..." 84
5. Ландыш, ландыш белоснежный..." 85
6. "Два дерева хотят друг к другу..." ..... —
7. "Заря пылала, догорая..." 86
8. "Словно теплая слеза..." ..... —
122–123. Бабушка
1. "Когда я буду бабушкой..." ..... —
2. "А как бабушке..." 88
124. "Ты меня никогда не прогонишь..." 89
125. "Тебе — через сто лет..." ..... —
126. "Когда-нибудь, прелестное созданье..." 91
127. "Высоко́ мое оконце!.." ..... —
128. "Дитя разгула и разлуки..." ..... —
129. "У неврой бабки — четыре сына..." 92
130. Психея ("Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин...") ..... —
131. "Она подкрадётся неслышно..." 93
132. "Две руки, легко опущенные..." ..... —
133. "Большими тихими дорогами..." 94

134. “Пахну́ло Англией — и морем...“ ..... —
135. “На бренность бедную мою...“ 95
136. “Да, вздохов обо мне — край непочатый!..“ ..... —
137. “Суда поспешно не чини...“ ..... —
138. “Писала я на аспидной доске...“ 96
139. Пригвождена ..... —
140. “И не спасут ни стансы, ни созвездья...“ 97
141. “Восхи́щенной и восхищённой...“ ..... —
142. “Кто создан из камня, кто создан из глины...“ ..... —
143. “Я не танцую, — без моей вины...“ 98
144—145. Две песни
1. “И что тому костер остылый...“ ..... —
2. “Вчера еще в глаза глядел...“ 99
146. Волк 100
147. “Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе...“ 101
148. “Знаю, умру на заре! На которой из двух...“ ..... —
149. Роландов Рог 102
150—156. Ученик
1. “Быть мальчиком твоим светлоголовым...“ ..... —
2. “Есть некий час — как сброшенная клажа...“ 103
3. “Солнце Вечера — добрее...“ 104
4. “Пало прениже волн...“ ..... —
5. “Был час чудотворен и полн...“ 105
6. “Всё великолепье...“ 106
7. “По холмам — круглым и смуглым...“ ..... —
157. Первое солнце ..... —
158—163. Из цикла “Разлука“
1. “Всё круче, всё круче...“ 107
2. “Смуглой оливой...“ ..... —
3. “Тихонько...“ 108
4. “Седой — не увидишь...“ 109
5. “Ростком серебряным...“ 110
6. “Я знаю, я знаю...“ 111
164—167. Отрок
1. “Пусто́ты отроческих глаз! Провалы...“ ..... —
2. “Огнепоклонник! Красная масть!..“ 112
3. “Простоволосая Агарь — сижу...“ ..... —
4. “Виноградины тщетно в садах ржавели...“ 113
168. Сивилла и юноша ..... —
169. Маяковскому (“Превыше крестов и труб...“) 114
170. Змей ..... —
171—174. Хвала Афродите
1. “Блаженны дочерей твоих, Земля...“ 115
2. “Уже богов — не те уже щедроты...“ ..... —
3. “Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...“ 116
4. “Сколько их, сколько их ест из рук...“ ..... —
175. “С такою силой в подбородок руку...“ ..... —
176—177. Молодость
1. “Молодость моя! Моя чужая...“ 117
2. “Скоро уж из ласточек — в колдуньи!..“ ..... —
178. Муза 118
179. Орфей ..... —
180. “По нагориям...“ 119

181. “А сугробы подаются...“ 120
182. На заре... 122
183. “Лютая юдоль...“ ..... —
184—188. Из цикла “Земные приметы“
1. “Так, в скудном труженичестве дней...“ 123
2. “Ищи себе доверчивых подруг...“ ..... —
3. “Руки — и в круг...“ 124
4. “Удостоверишься — повремени!..“ ..... —
5. “Дабы ты меня не видел...“ ..... —
189. “Здравствуй! Не стрела, не камень...“ 125
190. “В пустынной храмине...“ ..... —
191—192. Из цикла “Сивилла“
1. “Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...“ 127
2. “Каменной глыбой серой...“ ..... —
193—201. Деревья
1. “В смертных изверясь...“ 128
2. “Когда обидой — опилась...“ 129
3. “Купальщицами, в легкий круг...“ ..... —
4. “Други! Братственный сонм!..“ 130
5. “Беглецы? Вестовые?..“ ..... —
6. “Не краской, не кистью!..“ 131
7. “Та, что без видения спала...“ 132
8. “Кто-то едет — к смертной победе...“ 133
9. “Каким наитием...“ ..... —
202. “Золото моих волос...“ 134
203—204. Заводские
1. “Стоят в чернорабочей хмури...“ 135
2. “Книгу вечности на людских устах...“ 136
205. Седые волосы 137
206. Хвала богатым 138
207. Рассвет на рельсах 139
208. “В сиром воздухе загробном...“ 140
209. “Нет, правды не оспаривай...“ 141
210. Душа 142
211—213. Скифские
1. “Из недр и на ветвь — рысями!..“ ..... —
2. (Колыбельная) 143
3. “От стрел и от чар...“ 144
214. Офелия — Гамлету ..... —
215. Офелия — в защиту королевы 145
216—217. Федра
1. Жалоба 146
2. Послание 147
218—224. Из цикла “Провода“
1. “Вереницею певчих свай...“ 148
2. “Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...“ 149
3. (Пути) ..... —
4. “Не чернокнижница! В белой книге...“ 150
5. “Час, когда вверху цари...“ 151
6. “В час, когда мой милый брат...“ ..... —
7. “Терпеливо, как щебень бьют...“ 152
225. Эвридика — Орфею ..... —
226—228. Поэт

1. “Поэт — издалека заводит речь...“ 153
2. “Есть в мире лишние, добавочные...“ 154
3. “Что́ же мне делать, слепцу и пасынку...“ ..... —
229. Поэма заставы 155
230. Ладонь 157
231—233. Облака
1. “Перерытые — как битвой...“ ..... —
2. “Стой! Не Федры ли под небом...“ ..... —
3. “Нет! Вставший вал!..“ 158
234—235. Так вслушиваются...
1. “Так вслушиваются (в исток...“ ..... —
2. “Друг! Не кори меня за тот...“ ..... —
236—237. Ручьи
1. “Прорицаниями рокоча...“ 159
2. “Монистом, расколотым...“ ..... —
238. Окно 160
239. Хвала времени ..... —
240. Диалог Гамлета с совестью 161
241. Мореплаватель 162
242. Расщелина ..... —
243. Свиданье 163
244. Луна — лунатику ..... —
245. Занавес 164
246. “Строительница струн — приструню...“ 165
247. Рельсы ..... —
248—250. Час души
1. “В глубокий час души и ночи...“ 166
2. “В глубокий час души...“ 167
3. “Есть час Души, как час Луны...“ ..... —
251. Наклон 168
252. Раковина ..... —
253. Заочность 169
254. Письмо 170
255. Минута 171
256. Отрывок (“... Глазами казненных...“) 172
257. “С этой горы, как с крыши...“ ..... —
258. “Как бы дым твоих ни горек...“ 173
259. Пражский рыцарь ..... —
260. Поезд 174
261. “Ты, меня любивший фальшью...“ 175
262—264. Двое
1. “Есть рифмы в мире сём...“ 176
2. “Не суждено, чтоб сильный с сильным...“ ..... —
3. “В мире, где всяк...“ 177
265. Под шалью 178
266. Взгляд ..... —
267. Попытка ревности 179
268—269. Сон
1. “Врылась, забылась — и вот как с тысяче-...“ 180
2. “В мозгу ухаб пролёжан...“ 181
270. Любовь 182
271. Полотерская ..... —

272. Молвь 184
273—274. Жизни
1. "Не возьмешь моего румянца..." 185
2. "Не возьмешь мою душу живу..." 186
275. Крестины ..... —
276. "Жив, а не умер..." 187
277. "В седину — висок..." 188
278. "Рас-стояние: версты, мили..." 189
279. "Русской ржи от меня поклон..." 190
280. Разговор с Гением ..... —
281. Наяда 191
282. Плач матери по новобранцу 193
283—289. Маяковскому
1. "Чтобы край земной не вымер..." 194
2. "*Литературная* — не в ней..." ..... —
3. "В сапогах, подкованных железом..." 195
4. "И полушки не поставишь..." 196
5. "Выстрел — в самую душу..." ..... —
6. "Советским вельможей..." 197
7."Много храмов разрушил..." 199
290—295. Стихи к Пушкину
1. "Бич жандармов, бог студентов..." 200
2. Петр и Пушкин 202
3. (Станок) 204
4. "Преодоленье..." 205
(Поэт и царь)
5. "Потусторонним..." 207
6. "Нет, бил барабан перед смутным полком..." ..... —
296. Ода пешему ходу 208
297. Дом ("Из-под нахмуренных бровей...") 211
298—300. Стихи к сыну
1. "Ни к городу и ни к селу..." 212
2. "Наша совесть — не ваша совесть!.." 213
3. "Не быть тебе нулем..." ..... —
301. Родина 214
302—307. Стол
1. "Мой письменный верный стол!.." 215
2. "Тридцатая годовщина..." 216
3. "Тридцатая годовщина..." 217
4. "Обидел и обошел?.." 218
5. "Мой письменный верный стол!.." ..... —
6. "Квиты: вами я объедена..." 219
308. "Вскрыла жилы: неостановимо..." 220
309. Деревья ..... —
310. "Тоска по родине! Давно..." 221
311. Куст 222
312. Сад 224
313. Челюскинцы 225
314. "Есть счастливцы и счастливицы..." 226
315—318. Из цикла "Надгробие"
1. "Иду на несколько минут..." ..... —
2. "Напрасно глазом — как гвоздем..." 227

3. "За то, что некогда, юн и смел..." 228
4. "Удар, заглушенный годами забвенья..." ..... —
319. Бузина 229
320. "Никуда не уехали — ты да я..." 230
321. Дом ("Лопушиный, ромашный...") ..... —
322. "Ударило в виноградник..." 231
323. Читатели газет 232
324—330. Стихи сироте
1. "Ледяная тиара гор..." 233
2. "Обнимаю тебя кругозором..." 234
3. (Пещера) ..... —
4. "На льдине..." 235
5. "Скороговоркой — ручья водой..." 236
6. "Наконец-то встретила..." ..... —
7. "В мыслях об ином, инаком..." 237
331. "Когда я гляжу на летящие листья..." ..... —
332. "В синее небо ширя глаза..." ..... —

СТИХИ К ЧЕХИИ

333—336. Сентябрь
1. "Полон и просторен..." 238
2. "Горы — турам поприще!.." 239
3. "Есть на карте — место..." 241
4. Один офицер 242
337— 347. Март
1. (Колыбельная) 244
2. Пепелище ..... —
3. Барабан 245
4. Германии 246
5. Март 247
6. Взяли 248
7. Лес 249
8. "О слезы на глазах!.." ..... —
9. "Не бесы — за иноком..." ..... —
10. Народ 250
11. "Не умрешь, народ!.." 251
348. "Я стол накрыл на шестерых..." ..... —

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

А. Ахматова. Комаровские наброски 255
С. Маршак. Марине Цветаевой ..... —
Б. Пастернак. Марине Цветаевой 256
Б. Пастернак. Памяти Марины Цветаевой 257
А. Тарковский. Стирка белья 258
А. Тарковский. Как двадцать два года тому назад 259
А. Тарковский. Через двадцать два года ..... —